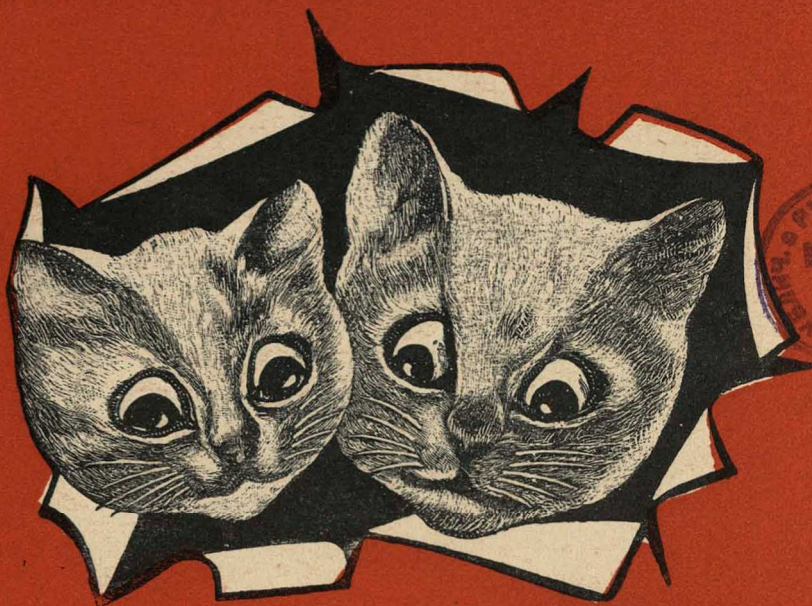

Годъ изданія шестой.

НОЯБРЬ.

№ 2.

1912.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

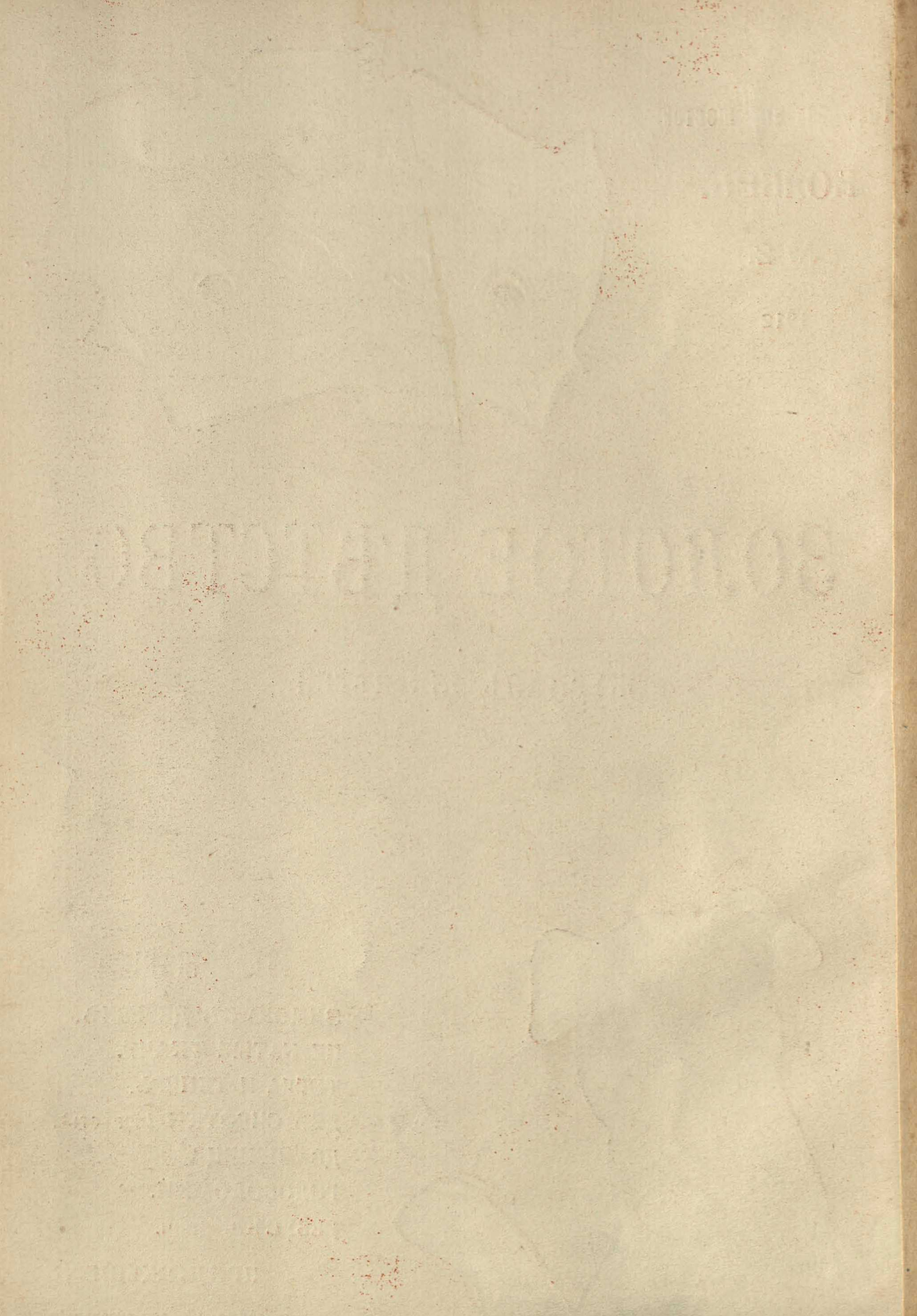

СОДЕРЖАНІЕ:

ЗИМОЮ ВЪ ДЕРЕВНѢ.
ПЕРНАТЫЕ ТКАЧИ.
ТОГДА И ТЕПЕРЬ.
ДВѢ СИРОТКИ (повѣсть).
ДВА ПРИНЦА.
ГОЛОВЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Сани съ лошадкой—для склеиванія.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

ВЪ РУССКОМЪ
БАНКѢ

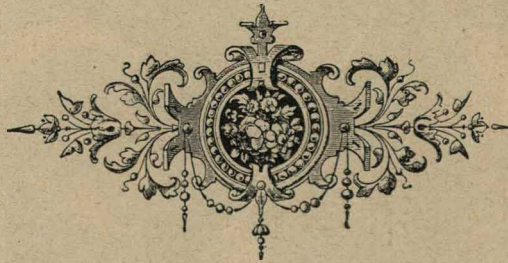
Друзья.

ЗИМОЮ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

День морозный, снѣгу много,
Тройка ждетъ насъ у крыльца,
Видна санная дорога,
Слышны звоны бубенца.
Бдемъ снѣжною пустыней,
Вотъ виднѣтся село...
На деревьяхъ бѣлый иней,
Хаты снѣгомъ занесло.
А вдали еще привольнѣй,
Вотъ и церковь у моста...
Высоко надъ колокольней
Блещетъ золото креста.

Путь просторнѣй по равнинѣ
И коней быстрѣ бѣгъ...
Подъ лучами искрой синей
Загорѣлся бѣлый снѣгъ.
То-то можно разгуляться
Рѣзвимъ конямъ дать просторъ,
Только-бъ на гору подняться
Вонъ за этотъ косогоръ!
Комья съ пылью снѣговою
Полетятъ во всѣ концы,
Да надъ ковальной дугою
Лихо звякнуть бубенцы!..

Е. Селунская.

ПЕРНАТЫЕ ТКАЧИ.

Бхать по желѣзной дорогѣ не хотѣлось и я сѣлъ на пароходъ, отходившій изъ Марсея въ Триестъ, и отправился домой круговымъ путемъ. По дорогѣ мы остановились въ Генуѣ и здѣсь къ намъ подсѣлъ какой-то англичанинъ, который бхалъ изъ далекой Африки и везъ съ собою въ клѣткахъ какихъ-то диковинныхъ птицъ. Онъ торговалъ ими и поставлялъ ихъ на звѣринцы и зоологическіе сады. Денегъ у

меня было мало и я бхалъ въ III-мъ классѣ. Меня провели на пароходъ на самый носъ, спустили въ преисподнюю и тамъ дали небольшую каютку, въ которой было всего только два мѣста. Одно изъ нихъ занялъ я, а другое досталось англичанину. Онъ внесъ съ собою нѣсколько ящиковъ и небольшую клѣтку, которая была биткомъ набита какими-то небольшими, сѣроватыми и разноцвѣтными птичками, которыя

сидѣли, нахохлившись, прямо на полу, или-же невесело перепрыгивали съ жердочки на жердочку.

— Васъ не побезпокоятъ мои звѣри? спросилъ у меня англичанинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего!.. отвѣтилъ я.

Тогда англичанинъ отперъ чемоданъ и изъ него выскочили еще двѣ обезьянки-мартышки. Онѣ съ удивленіемъ оглядѣлись по сторонамъ и забились далеко подъ койки. Было замѣтно, что онѣ уже устали ѣхать.

— Что это за птички? спросилъ я у своего спутника, указавъ на клѣтку.

— Это—ткачи, отвѣтилъ онъ.— Это птицы, которыя ткуть себѣ гнѣзда. Онѣ не имѣютъ себѣ въ этомъ равныхъ во всемъ птичьемъ мірѣ.

Онъ развязалъ ящикъ и досталъ изъ него какой-то шарикъ съ отверстіемъ, похожій на графинъ. Шарикъ этотъ былъ искусно сотканъ изъ тонкихъ нитей и былъ выстланъ внутри пухомъ и мягкой шерстью. Я узналъ это, просунувъ палецъ въ отверстіе и ощупавъ его внутри.

— Это—гнѣздо вотъ этихъ самыхъ птичекъ, сказалъ англичанинъ.—Одной стороною оно прикрѣпляется къ вѣткѣ дерева и свѣшивается съ него, какъ груша, а на другой, противоположной—устроэнъ вотъ этотъ самый входъ.

Черезъ него онѣ влетаютъ и вылетаютъ на волю.

Я снова внимательно осмотрѣлъ гнѣздо. Все оно было устроено изъ тонкихъ кокосовыхъ нитей, которыя такъ тщательно были переплетены между собою, что шарикъ походилъ на сдѣланный изъ войлока.

— Обыкновенно эта кубышка, продолжалъ англичанинъ,—свѣшивается съ вѣтки горлышкомъ внизъ или-же вбокъ, но никогда не торчитъ отверстіемъ кверху. Это спасаетъ птичекъ отъ дождя. Трудно себѣ представить, какъ такая маленькая птичка посредствомъ одного только своего клюва, да лапки можетъ сплести такую сложную вещь, какъ это гнѣздо. Птички - ткачи всегда живутъ большими обществами и образуютъ цѣлую колонію. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я былъ въ Аѳрикѣ и откуда везу теперь этихъ птицъ, положительно всѣ деревья унижены такими гнѣздами, такъ что похоже, будто они густо покрыты крупными, желтоватыми плодами. Для устройства гнѣздъ собирается сразу цѣлая партія молодыхъ птицъ, штукъ въ 200—300 и болѣе. Облюбовавъ какую-нибудь кокосовую пальму, онѣ начинаютъ раздирать ея листья на тончайшія нити. Налетая, какъ молнія, сверху, ткачъ хватается клювомъ за самый кончикъ пальмоваго листа, складываетъ крылья и всѣмъ

тѣломъ падаетъ внизъ, увлекая за собою и кокосовую нить. Оторвавъ такимъ образомъ отъ листа нить, онъ отправляется съ нею къ гнѣздовью и принимается за постройку. Покончивъ съ однимъ листомъ, ткачи хватаются за другой и въ какіе-нибудь два—три дня отъ пышной пальмы остаётся одинъ только голый стволъ или жалкая метла. Отъ отдиранія нитей и отъ общаго щебетанія поднимается обыкновенно такой шумъ, что его слышно за нѣсколько сотъ шаговъ. Въ увлеченіи своей работой ткачи часто не замѣчаютъ приближенія челоуѣка или звѣря и иногда становятся ихъ добычей, хотя я долженъ удостовѣрить, что негры не трогаютъ ихъ и относятся къ нимъ, какъ мы къ воробьямъ. Вся колонія селится обязательно въ одномъ мѣстѣ и обязательно у воды. Сколько-бы ткачей ни составляли колонію, всѣ ихъ гнѣзда всегда висятъ надъ водой, такъ что ни одно живое существо не можетъ добраться до гнѣзда и схватить изъ него птенцовъ.

— Какъ-же вы добыли это гнѣздо? перебилъ я англичанина.

— А вотъ слушайте далѣе, отвѣтилъ онъ и сталъ продолжать свой рассказъ.—Постройкой гнѣзда занимается одинъ только самецъ. Сорвавъ съ пальмоваго листа нить, онъ летитъ съ ней къ гнѣздовью и, придерживая лалкой

вѣтку, начинаетъ заплетать гнѣздо. Его самка только помогаетъ ему: то она завяжетъ узелокъ, то пригнетъ вѣточку, а то, ухвативши носикомъ другой конецъ нити, натягиваетъ ее такъ, чтобы самецъ могъ лучше обмотать ее другою нитью. Цѣлый мѣсяцъ самецъ плететъ гнѣздо. Окончивши его, онъ принимается за его отдѣлку, сглаживаетъ его стѣнки снаружи и снутри и обламываетъ кругомъ всѣ мѣшающія вѣтки. Пока онъ это дѣлаетъ, его самка собираетъ въ поляхъ пухъ, перышки и мелкіе листочки травы и устилаетъ ими гнѣздо. Иногда случается такъ, что ткачъ-самецъ проглядитъ внутри гнѣзда вѣтку и она торчитъ въ немъ и мѣшаетъ ему тамъ помѣщаться свободно; тогда онъ привѣшиваетъ къ ней маленькую колыбельку и его самка кладетъ яички уже не на дно своей кубышки, а въ эту колыбельку и качается въ ней, какъ малое дитя. Устроивъ гнѣздо, самка кладетъ четыре пестренькихъ яичка, изъ которыхъ на двѣнадцатый день выходятъ голенькіе птенцы, очень похожіе на дѣтенышей нашихъ воробьевъ. Въ каждомъ гнѣздѣ помѣщается обыкновенно только одна семья, а именно: отецъ, мать и птенцы. Какъ только появляются на свѣтъ малыя дѣти, такъ всѣ хлопоты по хозяйству принимаетъ на себя уже самка, а самецъ отдыхаетъ: она кормитъ

дѣтей, починаетъ гнѣздо, а онъ весело чирикаетъ и щебечетъ и только два раза въ день, утромъ и вечеромъ, улетаетъ далеко отъ гнѣзда, ловить букашекъ и угощаетъ ими дѣтей. Своихъ птенцовъ ткачи кормятъ только маленькими насѣкомыми, сами-же ѣдятъ исключительно одни зерна и плоды: цѣлыми стаями они налетаютъ на вишневые сады и въ какой-нибудь одинъ мигъ склеиваютъ въ немъ всѣ ягоды. Поля, засаженные ананасами, въ одинъ часъ послѣ набѣга ткачей превращаются въ пустыню. Черезъ два мѣсяца послѣ появленія на свѣтъ птенцы уже вылетаютъ изъ гнѣзда и собираются въ большія общества. Вся эта молодежь летаетъ стаями съ мѣста на мѣсто, шумить, играть, но каждый вечеръ возвращается къ себѣ въ родное гнѣздо. Такъ продолжается мѣсяца три. На пятомъ мѣсяцѣ молодые ткачи линяютъ и изъ сѣренькихъ становятся разноцвѣтными.

Англичанинъ придвинулъ ко мнѣ поближе кѣтку.

— Вотъ эти сѣренькіе, — продолжалъ онъ, — еще молодые ткачи, они еще не обляняли: а вотъ эти лазоревые — уже старыя птицы: онѣ линяли уже не разъ. Ну-съ, перемѣнивъ опереніе, молодежь соединяется въ большое общество, покидаетъ своихъ родителей и гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, но по близости, принимается за устрой-

ство своихъ собственныхъ гнѣздъ. Обыкновенно ихъ первая работа имъ не удастся, первый блинъ выходитъ комомъ: ихъ первыя гнѣзда выходятъ не прочными и безобразными. Тогда, не долго думая, они расплетаютъ ихъ и дѣлаютъ снова. Такъ продолжается нѣсколько разъ, иногда даже цѣлые мѣсяцы и даже годъ. Но сколько-бы времени ни прошло, построенное такимъ образомъ гнѣздо принадлежитъ всегда только той парѣ ткачей, которая его выстроила. Если эта пара улетѣла куда-нибудь надолго или погибла, то гнѣздо такъ и остается пустымъ въ ожиданіи его настоящихъ хозяевъ. Если-же какая-нибудь другая пара захочетъ воспользоваться обстоятельствами и завладѣваетъ вдругъ такимъ опустѣвшимъ гнѣздомъ, то всѣ остальные ткачи стаяй подлетаютъ къ нему, выгоняютъ изъ него новыхъ владѣльцевъ и расплетаютъ его на мелкія нити, которыя пускаютъ по воздуху. Самихъ-же захватчиковъ стая прогоняетъ изъ своей среды и долго потомъ щебечетъ и суетится. Но бываетъ и такъ, что опустѣвшимъ гнѣздомъ захочетъ вдругъ воспользоваться какая-нибудь другая птица не изъ породы ткачей. Тогда уже шутки плохи. Всѣ остальные ткачи являются къ нему съ нитями въ клювахъ и въ одну минуту замуравываютъ ими входъ въ гнѣздо, такъ что бѣдная птица

остаётся въ нёмъ безвыходно навѣкъ. Вообще ткачи—птицы общественныя и все дѣлають сообща. Въ одиночку они тоскуютъ, становятся вялыми и скоро погибають. Поэтому-то я и везу ихъ въ одной клѣткѣ сразу такъ много. Въ одиночку я ихъ не продаю. Я повезу ихъ въ Берлинъ, продамъ ихъ въ тамошній Зоологическій садъ и при возможной свободѣ они и тамъ начнутъ ткать свои гнѣзда, какъ у себя дома.

— И будутъ высиживать птенцовъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, отвѣтилъ англичанинъ.—Въ неволѣ ткачи очень охотно дѣлають свои гнѣзда, но никогда не высиживають въ нихъ дѣтей. Соткавши, они тотчасъ-же ихъ расплетаютъ, чтобы изъ тѣхъ-же нитей соткать поскорѣе гнѣздо вновь. Такъ все время они и проводятъ въ работѣ: ткуть и расплетаютъ... Они не могутъ оставаться безъ движенія и безъ труда. Такова ужъ ихъ натура.

— А есть у этихъ птичекъ на родинѣ враги?

— Очень мало, потому что ихъ гнѣзда висятъ на вѣтвяхъ прямо надъ водой. Ни одно животное, кромѣ мартышки, не можетъ добраться до нихъ и засунуть въ горлышко лапу. Одна только мартышка ухитряется добраться по вѣтвямъ дерева до гнѣзда и украсть изъ него яйца. Она большая лакомка до яицъ ткачей. Но

за то и ткачи въ свою очередь угощаютъ ее холодной ванной. Завидѣвъ обезьяну, они цѣлой массой вылетаютъ изъ своихъ гнѣздъ и начинаютъ съ пискомъ кружиться около нея и не даютъ ей выбраться на берегъ. Тогда мартышка обрывается вмѣстѣ съ гнѣздомъ прямо въ воду и иногда даже тонетъ. А гнѣздо вмѣстѣ съ яйцами или птенцами преспокойно плыветъ по рѣкѣ внизъ и въ нѣсколькихъ стахъ саженьяхъ отъ гнѣздовья причаливаетъ къ берегу. Вотъ это самое гнѣздо я и нашель у берега. Этихъ двухъ обезьянъ я вытащилъ изъ воды, когда ихъ преслѣдовали ткачи, и спасъ имъ жизнь. Эй, вы! Идите-ка сюда!

Англичанинъ нагнулся и вытащилъ изъ-подъ лавки двухъ обезьянъ. Онѣ посмотрѣли на него и на меня испуганными глазами и оглядѣлись кругомъ. Тѣсная, парходная каюта была для нихъ мрачна и непривычна и мнѣ показалось, что изъ ихъ умныхъ, человѣчьихъ глазъ текли слезы. Покормивъ ихъ морковкой, англичанинъ постлалъ себѣ постель, растянулся на ней и скоро громко захрапѣлъ. Птички чирикали, скрипѣли и пищали и слышно было, какъ гдѣ-то далеко, внизу, въ самой глубинѣ парохода, работалъ винтъ. Я долго смотрѣлъ на нихъ и мнѣ было жаль, что ихъ завезли такъ далеко отъ родины, на да-

лекій сѣверъ, гдѣ нѣтъ кокосовыхъ пальмъ, ананасныхъ полей и лазурнаго неба и гдѣ по цѣлымъ недѣлямъ не проглядываетъ ни разу солнце. Онѣ сидятъ теперь въ душной каютѣ, въ тѣсной клѣткѣ, ихъ ожидаетъ впереди еще худшая жизнь и гдѣ-нибудь въ зоологическомъ саду или въ звѣринцѣ праздные зѣваки будутъ платить деньги, чтобы смотрѣть на ихъ страданія, и будутъ думать, что узнали ихъ настоящую жизнь. Бѣдные ткачи!

Дулъ вѣтеръ, пароходъ покачивался съ боку на бокъ и клонило ко сну. Я тоже развернулъ одеяло и подушку, улегся и укрылся

пледомъ по шею. Обѣ обезьянки подошли ко мнѣ, потрогали меня и затѣмъ одна за другою подлѣзли ко мнѣ подъ пледъ. Онѣ прижались къ моей груди и я слышалъ, какъ онѣ дрожали. Затѣмъ онѣ согрѣлись и, обнявшись, какъ люди, заснули крѣпкимъ глубокимъ сномъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы имъ приснились ихъ родина, высокія пальмы, жаркое африканское солнце и голубое небо,—и я боялся пошевелинуться и нарушить ихъ покой.

Бѣдныя мартышки! Несчастныя лакомки, захотѣвшія попробовать птичьихъ яицъ! Какая-то жизнь ожидаетъ васъ впереди?

С. Вершининъ.

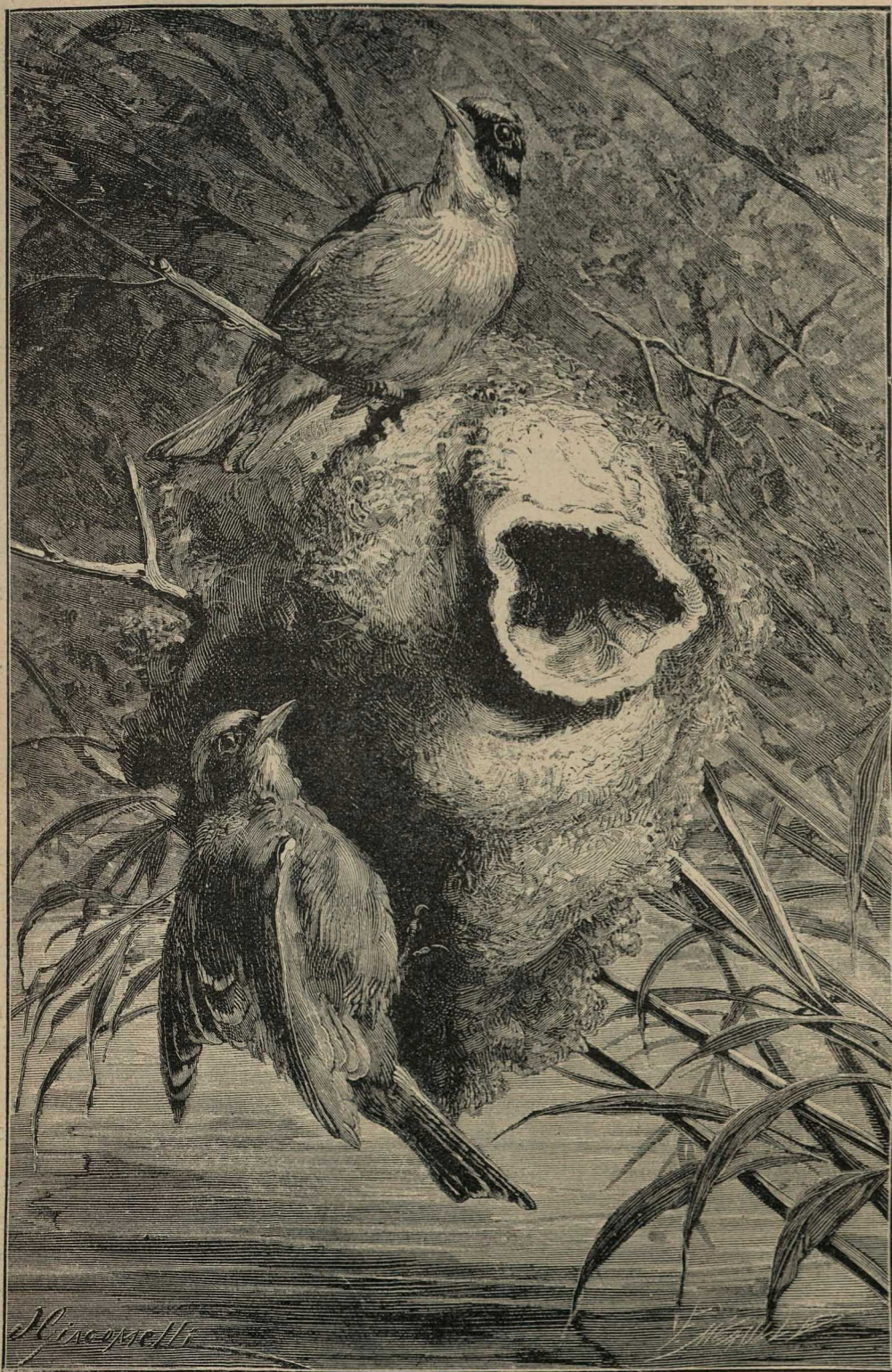

ТОГДА И ТЕПЕРЬ.

Ходили въ лѣсъ, тамъ хворостъ собирали,
Вязанки дровъ таскали за спиной
И такъ мы всѣ, признаться, уставали,
Что еле долеталися домой.
Хотѣлось ѣсть; но дома недостатки:
Картофель, черный хлѣбъ, вода и квасъ;
За то они всегда казались сладки
И лучшее не привлекало насъ.
Стояли холода и было такъ морозно,
Что снѣгъ бѣлѣлъ въ избушкѣ на стѣнахъ,
Намъ такъ хотѣлось спать,—хоть было и не поздно,—

Что еле мы держались на ногахъ.
Но мы топили печь, работали, сидѣли,
Заплатки ставили, вязали, полъ мели,
Ложились спать на жесткія постели
И спали такъ, что пушками пали.
Но вотъ прошли года и мы разбогатѣли,
Трудиться такъ ужъ больше не пришлось,
За то потомъ и вкусно такъ не ѣли,
И ужъ ни разу намъ такъ сладко не спалось.

Левкой.

Птички-ткачи.

На прогулку.

ДВѢ СИРОТКИ.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Когда Костя пришелъ въ себя, то была уже ночь. Сбоку него шумѣло море, а вдаль по прежнему ласково мерцали огоньки какого-то города. Было холодно и теперь уже дулъ рѣзкій вѣтеръ и срывались снѣжинки и оттого, что все платье на Костѣ обледенѣло, ему казалось, что стало теплѣе. Онъ поднялся на ноги. Ломота стояла по всему его тѣлу и онъ чувствовалъ, какъ горячее дыханіе обжигало ему верхнюю губу. Болѣло горло.

„Должно быть, я простудился“, подумалъ онъ.

Изъ сапогъ уже вылилась вода, но въ нихъ еще было сыро и у Кости очень озябли ноги. Онъ размялся немного и, весь холодный, но съ несомнѣнными признаками уже начавшагося жара, побрелъ къ городу.

И вдругъ позади него раздался какой-то странный, жалобный крикъ. Онъ исходилъ изъ спасенной имъ корзины. Костя остановился, прислушался, крикъ повторился снова.

„Вѣроятно, тамъ кошка“... подумалъ онъ.— „Кто-нибудь сунуль ее туда или она залѣзла туда сама“...

И, взваливъ корзину къ себѣ

на спину и изгибаясь подъ ея тяжестью, онъ отправился къ мелькавшимъ вдали огонькамъ.

Потянулись заборы, огороды, жалкія лачуги. Свѣтили ламповые фонари, но по тому блѣдносѣрому зареву, которое стояло вдаль надъ городомъ, можно было догадываться, что тамъ, въ глубинѣ, горѣло электричество и шла шумная, дѣловая жизнь. Но здѣсь было все тихо и убого. Никто не ѣздилъ и не шелъ, не лаяли собаки и весь рабочій людъ, который обиталъ на этой окраинѣ, казалось, спалъ крѣпкимъ, мирнымъ сномъ.

Костя еле передвигалъ ноги. Цѣпкая слабость сковывала всѣ его члены, обледенѣлая одежда мѣшала ему свободно двигаться и царапала ему шею и спину. Корзина оказалась тяжелой не по силамъ и Костя каждую минуту останавливался, переводилъ духъ и опускалъ корзину на землю. Въ ней по прежнему раздавались иногда стоны не то ребенка, не то запертой кошки, и ему жаль было оставить ихъ на произволь судьбы и онъ снова взваливалъ себѣ корзину на спину и продолжалъ свой путь.

„Только-бы добраться до людей! шепталъ онъ.—Только-бы увидѣть хоть одинъ домикъ, въ которомъ еще свѣтится огонекъ!..“

Заборы и огороды кончились, потянулись маленькіе двухъ-оконные домики съ черепичными крышами и садиками, но въ нихъ уже всѣ спали и нигдѣ не виднѣлось огня. Костя остановился около одного изъ нихъ, постучался въ ставень, но ему не отворили, и онъ пошелъ далѣе. Теперь уже шелъ частый, сухой снѣгъ и вѣтеръ гналъ его вдоль улицы. Костя уже не чувствовалъ ни холода, ни вѣтра, ему было жарко и не по себѣ и казалось, что если бы онъ сейчасъ легъ въ постель и протянулъ ноги, то ему было бы легче. Какіе-то странные, красноватые круги стали вертѣться у него передъ глазами и въ вискахъ бились какія-то двѣ жилки, которыя мѣшали ему думать и соображать.

— Нѣтъ, не могу больше!.. сказалъ онъ наконецъ и опустился на снѣгъ прямо посрединѣ улицы.

Но въ это время гдѣ-то впереди послышался звонъ колокола. Это сторожъ у ближайшей церкви ударялъ часы. Костя сосчиталъ ихъ: било двѣнадцать. Мысль, что тамъ, у церкви, есть живой человѣкъ, который можетъ пожалѣть его и принять въ немъ участіе, наполнила его душу надеждой и онъ снова поднялся и, взявъ корзину,

поплелся въ ту сторону, откуда слышался звонъ.

Передъ нимъ открылась широкая, пустынная площадь. Сквозь мракъ, скупо освѣщаемый фонарями, виднѣлась посреди нея церковь съ высокой, остроконечной колокольней. Когда Костя подошелъ къ ней, то колоколъ уже пересталъ звонить и самъ сторожъ уже ушелъ. Костя подошелъ къ церкви, свалилъ свою ношу на ея паперть и самъ въ безсиліи опустился на ступеньку.

Въ ушахъ у него звенѣло, въ вискахъ стучало, очень болѣли пальцы на ногахъ и неудержимо хотѣлось спать. Костѣ казалось, что если онъ ляжетъ сейчасъ на эти холодныя ступени, на которыхъ бѣлѣлся снѣгъ, то ему станетъ лучше, но всякій разъ, какъ онъ протягивался на нихъ, снѣгъ холодилъ ему щеку и было сыро и холодно боку и спинѣ. Зеленые и красные круги по прежнему стояли у него въ глазахъ, горячее дыханіе обжигало ему верхнюю губу, но въ то-же время и потрясающій ознобъ сковывалъ всѣ его члены.

— Мнѣ холодно! Холодно! закричалъ Костя и испугался своего голоса.—Возьмите меня отсюда! Я хочу спать!..

Но его не услышалъ никто. Затѣмъ Костя впалъ въ забытѣе. Онъ пробылъ въ немъ недолго, потому что сквозь полудремоту

вдругъ услышалъ ржаніе лошади. Онъ открылъ глаза и увидалъ проѣзжавшую мимо церкви карету. Два фонаря на ней ласково замигали ему и ему показалось, что сидѣвшій въ ней господинъ поглядѣлъ на него въ окошко и поманилъ его къ себѣ.

— Ко мнѣ! Ко мнѣ! закричалъ ему Костя.—Возьмите меня къ себѣ! Мнѣ холодно, я усталъ, мнѣ хочется спать!..

Но карета проѣхала мимо. Тогда онъ вскочилъ, напрягъ всѣ свои силы и побѣжалъ за ней вдогонку. Снѣгъ былъ уже глубокой. Костя бѣжалъ по оставленнымъ каретой колеямъ, кричалъ ей вслѣдъ и чувствовалъ, какъ съ каждымъ его шагомъ силы все оставляли его и какъ въ груди у него не хватало больше дыханія и звенѣло въ ушахъ.

— Нѣтъ, не могу больше!.. вздохнулъ онъ и, запатавшись, повалился среди площади на снѣгъ.

Все стало путаться у него въ головѣ. Онъ уже ничего не могъ разобрать изъ того, что съ нимъ случилось раньше, и что происходило теперь, и въ ушахъ у него стало вдругъ такъ шумѣть, точно невдалекѣ былъ водопадъ или взбѣгали на берегъ и подкатывались прямо къ самой церкви дикія морскія волны.

— Я усталъ и не могу идти... еще шептали его губы.—Я уже не чувствую своихъ рукъ и ногъ...

Мнѣ такъ-бы хотѣлось увидѣть сейчасъ свою бабушку!..

Онъ еще плотнѣе сомкнулъ глаза, а затѣмъ все покрылось для него туманной непроницаемой пеленой. Онъ слышалъ еще, какъ въ оставленной имъ около церкви корзинѣ кто-то жалобно плакалъ или мяукалъ, но шумъ водопада или волнъ заглушалъ все, онъ хотѣлъ крикнуть, сдѣлалъ въ послѣдній разъ усиліе и не могъ. А далѣе все смѣшалось для него въ какомъ-то странномъ туманѣ, стало казаться, что онъ сливается съ этимъ туманомъ и летитъ куда-то далеко-далеко въ невѣдомыя края.

Прошло полъ-часа. Шли два городовыхъ, возвращаясь со своихъ постовъ въ полицію, и наткнулись на Костю. Онъ лежалъ поперекъ дороги на снѣгу, безъ чувствъ, съ такимъ выраженіемъ лица, точно былъ уже дома, въ Россіи, и рассказывалъ своей бабушкѣ о томъ, что ему пришлось пережить въ дорогѣ. Срывались съ неба снѣжинки, падали ему на лицо, но не таяли.

— Плохое дѣло! сказалъ одинъ изъ городовыхъ.—Мальчикъ замерзъ! Но посмотри, Гансъ, какое счастливое выраженіе лица! Точно передъ смертью онъ видѣлъ блаженный сонъ.

— Перестань говорить пустяки! отвѣтилъ другой, болѣе опытный въ такихъ дѣлахъ.—Теперь каж-

дая минута дорога! Оберни его въ мое пальто, а я сбѣгаю за извощикомъ!

Онъ снялъ съ себя пальто, бросилъ его на руки своему товарищу и побѣжалъ за извощикомъ. Черезъ десять минутъ онъ уже привелъ извозчика, уложилъ Костю въ экипажъ, сѣлъ съ товарищемъ самъ и они поѣхали въ полицейскій участокъ. Тамъ были приняты первыя мѣры, чтобы привести Костю въ себя, а затѣмъ, когда онъ пришелъ въ чувство, то увидѣлъ себя въ большой палатѣ, въ которой пахло карболкой и стояли бѣлыя, чистыя кровати. Слишкомъ еще слабый для того, чтобы припомнить все то, что съ нимъ случилось въ эту ночь, онъ все-таки имѣлъ настолько силъ, чтобы сообразить, что это дѣйствительно комната и настоящія кровати, и что онъ лежалъ не на снѣгу, а на одной изъ нихъ. Около него стояли докторъ и сидѣлка и обкладывали его со всѣхъ сторонъ чѣмъ-то такимъ, отчего меньше чувствовалась во всемъ тѣлѣ боль. Онъ хотѣлъ спросить ихъ о той корзинѣ, которую оставилъ на паперти у церкви, но снова лишился чувства и впалъ въ забытье. А когда онъ снова пришелъ въ себя, то свѣтило уже солнце и съ улицы доносились голоса и звонки конно-желѣзной дороги. Около него въ большемъ, накрахмаленномъ

чепцѣ сидѣла какая-то женщина и вязала чулокъ.

— Гдѣ я? спросилъ Костя по-нѣмецки.

— Въ госпиталь... отвѣтила ему женщина.—Ну, какъ ты себя чувствуешь? Не дать-ли тебѣ поѣсть?

Костя приподнялся на локоть и оглядѣлся по сторонамъ. На ближайшей изъ постелей лежала какая-то женщина, вся въ повязкахъ и бинтахъ и не шевелилась.

— Кто это? спросилъ Костя.

— Это одна русская дама... отвѣтила сидѣлка.—Ее подняли вчера на берегу и принесли сюда безъ чувствъ. Говорятъ, что она плыла на погибшемъ пароходѣ и спаслась... Ахъ, какой это ужасный случай!..

Костя хотѣлъ ей рассказать, что и онъ тоже былъ на этомъ самомъ пароходѣ и тоже чудомъ спасся послѣ кораблекрушенія, но сонъ одолевалъ его глаза, онъ повернулся на бочокъ и крѣпко заснулъ. Сидѣлка продолжала около него вязать, а затѣмъ, убѣдившись, что онъ чувствуетъ себя хорошо, она свернула свой клубокъ, воткнула въ него спицы и вышла изъ палаты. Въ то-же время въ палату вошли два доктора и остановились около русской больной. Они долго разговаривали между собой и озабоченно покачивали головами. А потомъ они кликнули къ себѣ служителей и что-то имъ сказали. Служители сняли больную съ кровати,

уложили ее на телѣжку и тихо, безмолвно перевезли ее въ другую комнату.

— Мнѣ думается, что тамъ ей одной будетъ покойнѣе, сказала одинъ изъ врачей.

— Да, отвѣтилъ другой.—А вы не знаете, какъ ее зовутъ?

— Придя въ себя, она успѣла только сказать, что она русская, плыла въ Гамбургъ и потеряла свою дочь... Кажется, ее зовутъ Евгенія или Θεодора — что-то въ этомъ родѣ. Или, кажется, вмѣстѣ: Евгенія - Θεодора. Впрочемъ, не знаю!

Они вышли и Костя съ остальными больными остался одинъ.

Въ то самое время, когда онъ еще ночью лежалъ на площади на снѣгу и около него суетились городовые, по одной изъ улицъ, впадавшихъ въ площадь, шелъ какой-то угрюмый, бѣдно-одѣтый человекъ и что-то несъ въ рукахъ. Онъ спѣшилъ и пугливо озирался по сторонамъ, точно боясь какъ-бы кто-нибудь не увидѣлъ его и не остановилъ. Губы его дрожали, онъ былъ взволнованъ и то и дѣло приглядывался то къ одному дому, то къ другому, перебѣгалъ отъ одного крыльца къ другому и всякій разъ, убѣдившись, что въ домахъ всѣ спали, безнадежно покачивалъ головой.

— Нѣтъ, говорилъ онъ самъ себѣ.—Сюда нельзя. Если я положу ее сюда, то она можетъ за-

мерзнуть и Богъ меня за это накажетъ... Надо подкинуть ее туда, гдѣ еще не спятъ.

И онъ все бѣжалъ и бѣжалъ и наконецъ добѣжалъ до того мѣста, гдѣ улица впадала въ площадь. На самомъ углу горѣлъ фонарь, весь облѣпленный снѣгомъ, и лавшія вокругъ него снѣжинки казались бѣлыми мухами, стремившимися къ огню. Человекъ подошелъ къ фонарю, развернулъ край своего узелка и заглянулъ въ него. Тамъ мирно спалъ маленькій ребеночекъ и сосалъ во снѣ свой кулачекъ.

— Спать... проговорилъ мужчина. — Спать и не чувствуетъ того, что я хочу его подкинуть. Бѣдное, бѣдное, несчастное дитя!

Онъ прислонился къ фонарю, глубоко вздохнулъ и слезы зашвытились у него на глазахъ.

— Вѣдь я же не злодѣй! сказала онъ.—Я—честный человекъ, но что-же дѣлать, если я самъ голоденъ, если жена моя больна и во всемъ домѣ у насъ нѣтъ ни крошки хлѣба! Я нигдѣ не могу найти работы, душа моя истомилась при видѣ двухъ другихъ дѣтей, которымъ нечего поѣсть, а тутъ еще родился этотъ третій ребенокъ, которому нужно еще молоко!... Господи, прости меня грѣшнаго! Жена дома плачетъ, а я перебѣгаю здѣсь отъ крыльца къ крыльцу и ищу мѣста, куда-бы подбросить ея ребенка. Какъ

это скверно, какъ это не прости- тельно, но что-же дѣлать?.. Самимъ нечего ѣсть!

Онъ опять глубоко вздохнулъ и, поцѣловавъ ребенка въ лобикъ, закрылъ его одѣяльцемъ и снова пугливо оглядѣлся по сторонамъ.

— Всѣ спятъ... проговорилъ онъ.— Проснутся только утромъ, когда этотъ ребенокъ, можетъ быть, замерзнетъ совсѣмъ, и на чѣмъ-нибудь крыльцѣ будетъ ле- жать только его холодный, без- жизненный трупикъ, И всякій, увидѣвъ это маленькое, окоченѣв- шее тѣльце, покачаетъ головой и скажетъ: — „Какой безчестный че- ловѣкъ отецъ этого ребенка! Какая несчастная его мать!“ Но что по- дѣлаешь? Смотрѣть спокойными глазами, какъ онъ будетъ поми- рать съ голоду дома, не имѣть возможности купить для него хоть каплю молока и быть свидѣтелемъ его голодной смерти — о, это ужасно!..

Онъ закрылъ глаза и еще долго простоялъ у фонаря. Снѣгъ хлопьями падалъ на него и ложился пластами ему на голову и на плечи. Дулъ вѣтеръ и съ моря доносилось бурное шипѣнье волнъ. Покрывавшія человѣка лохмотья, повидимому, плохо грѣли его, по- тому что онъ часто вздрагивалъ и переминался съ ноги на ногу. Онъ что-то долго соображалъ, при- думывалъ, очевидно старался найти выходъ изъ своего безнадежнаго

положенія, и, не найдя его, ма- хнулъ рукой и вышелъ на пло- щадь.

— Будь, что будетъ! прогово- рилъ онъ.— Я подкину его на па- перть этой церкви! Каждый пол- часа выходитъ сторожъ и звонить часы. Навѣрное, онъ увидитъ этого несчастнаго ребенка, отнесетъ его къ пастору и они пристроятъ его. Прости меня, Господь!

И онъ рѣшительными шагами направился къ церкви.

Дойдя до ея паперти, онъ уже готовъ былъ положить на ея сту- пени своего младенца, какъ вдругъ замѣтилъ въ темнотѣ какой-то че- тырехугольный предметъ.

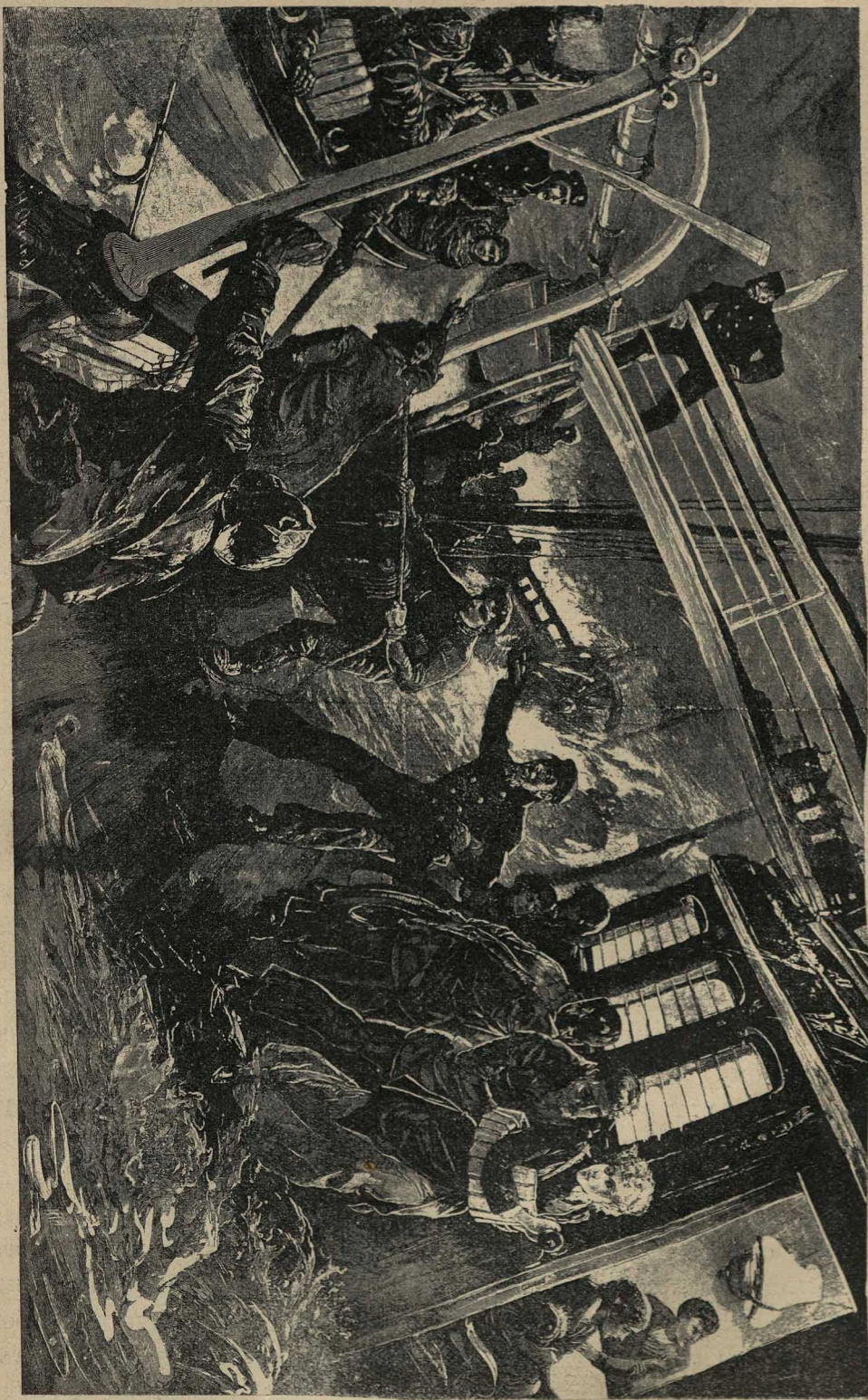
„Что-бы это такое было?“ подумалъ онъ.

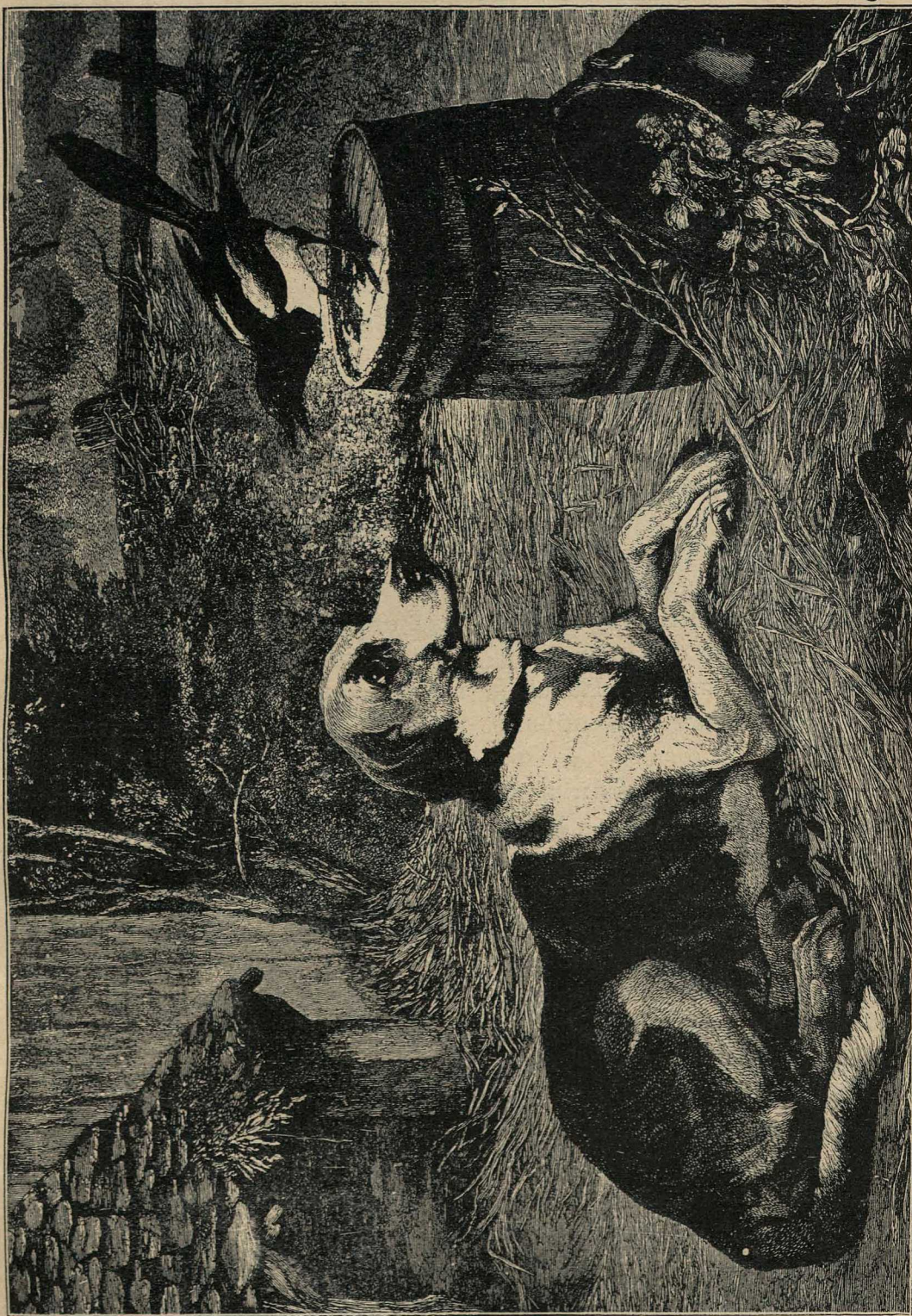
Изъ предмета послышался чей- то плачь. Онъ положилъ своего ребенка на ступеньку и подошелъ къ предмету. Это оказалась кор- зина. Она почти до половины была уже занесена снѣгомъ. Онъ от- крылъ ее и заглянулъ въ нее внутрь. Вся она была обтянута изнутри прочной, непромокаемой клеенкой и въ ней на днѣ лежала посинѣв- шая отъ холода дѣвочка и горько плакала.

— Боже милосердный! восклик- нулъ человѣкъ.

При видѣ этого чужого ребенка ужасъ овладѣлъ несчастнымъ от- цомъ. Такая же участь грозила и его дочери! Онъ увидѣлъ въ этой находкѣ руку самого Провидѣнія,

Відступніє на морѣ.

Свѣжія новости.

которое предостерегало его от жестокаго поступка. Сердце его сжалось, чувство порядочности заговорило въ немъ, его добрыя качества взяли верхъ надъ его слабостью и нищетой и внезапная мысль озарила его голову. Онъ встряхнулся, ободрился, выпрямился во весь свой ростъ и рѣшительно кивнулъ головой.

— Нѣтъ! Ни за что на свѣтъ! воскликнулъ онъ. — Я ни за что не подкину своей дочери. Это было бы тяжкимъ, неискупаемымъ грѣхомъ!

И вмѣсто того, чтобы бросить своего ребенка на произволь судьбы и, крадучись, убѣжать поскорѣе домой, онъ взялъ свою дочь въ одну руку, а корзинку съ Катей— въ другую и понесъ ихъ обѣихъ къ себѣ.

— Жена! радостно воскликнулъ онъ, вернувшись домой. — Я хотѣлъ разстаться со своей Маргаритой, но Богъ не допустилъ меня до такого безсердечнаго поступка. Унеся нашу дочь, я вернулся къ тебѣ съ двумя дочерьми!

— Какъ? воскликнула обрадовавшаяся Луиза. — Ты сжалился надо мной и возвратилъ мнѣ ребенка?

Вмѣсто отвѣта онъ передалъ ей съ рукъ на руки маленькую Маргариту и поставилъ корзинку съ Катей на полъ.

— На вотъ, гляди! сказалъ онъ ей.

Она вся затрепетала отъ радости, схватила Маргариту, прижала ее къ своей груди и стала покрывать ее поцѣлуями.

— Да ты гляди въ корзинку-то! воскликнулъ онъ.

Она подошла къ корзинѣ и заглянула въ нее.

— Ребеночекъ! воскликнула она. — Да какой хорошенькій! Францъ, гдѣ ты его нашель?

Францъ тоже наклонился надъ корзиной. Луиза положила своего ребенка въ сторону, туда, гдѣ спали двое другихъ ея дѣтей, и взяла Катю на руки.

— Бѣдненькая!.. жалостливо сказала она. — Какъ ты озябла, какъ ты вся посинѣла! Какое на тебѣ влажное и холодное бѣлье!

Она быстро стала снимать съ нея одежду за одеждой.

— Стой, Луиза! вдругъ воскликнулъ Францъ. — Гляди сюда! Видишь?

И онъ указалъ женѣ на дно корзины.

— Что такое? спросила она. — Что ты тамъ еще нашель?

— Деньги и драгоценности! радостно воскликнулъ онъ. — Смотри сюда! Она принесла намъ счастье!

И онъ сталъ вынимать изъ корзины все то, что положила въ нее Евгенія Федоровна, когда разставалась на пароходѣ съ Катей.

Мужъ и жена глядѣли на блестящее передъ ними золото и на кредитные билеты и не вѣрили

своимъ глазамъ. Теперь они были сыты и одѣты.

— Знаешь, что? обратилась Луиза къ мужу. — Мы воспользуемся только этими деньгами, а драгоценности прибережемъ для этой дѣвочки! Когда она вырастетъ большая, то мы отдадимъ ихъ ей и скажемъ: — „Милая дѣвочка, все это принадлежитъ тебѣ! Ты въ свое время спасла насъ отъ нищеты, а отца отъ преступленія, — и за это мы тебя воспитали, какъ нашу родную дочь!..“

— Да, да! весело воскликнулъ и Францъ. — Она и наша Маргарита будутъ расти, какъ родныя сестры! Къ тому времени я постараюсь найти мѣсто и разбогатѣть и возвращу ей и эти ея деньги.

И они, радостные, какъ дѣти, и позабывшіе уже о своемъ горѣ и нищетѣ, сидѣли за столомъ, укачивали обѣихъ дѣвочекъ и строили планы. Предстоящая жизнь уже не казалась имъ такой тяжелой и безнадежной впереди и они теперь уже бодро смотрѣли впередъ и старались приподнять завѣсу, которая скрывала отъ нихъ возможное, но теперь уже счастливое будущее.

— Но какъ же мы ее назовемъ? вдругъ спохватился Францъ. — Какъ мы будемъ звать эту нашу маленькую фею?

— А развѣ въ корзинкѣ нѣтъ записки? спросила Луиза.

— Кажется, нѣтъ... отвѣтилъ

Францъ и снова обшарилъ всю корзинку и все бѣлье.

Луиза тоже осмотрѣла со всѣхъ сторонъ Катю.

— Нѣтъ и здѣсь!.. сказала она. — Странно!.. А ребенокъ уже крещеный! Видишь, какой на немъ крестъ! Пусть онъ такъ и остается на ней до конца ея дней!

— Пусть, но какъ-же мы ее назовемъ? Вѣдь должны-же мы сообщить о ней полиціи и пастору!

Луиза задумалась.

— Пусть будетъ она у насъ Фредерикой! сказала она.

— Нѣтъ, это очень длинно! воскликнулъ Францъ. — Давай лучше назовемъ ее Кетти! Это будетъ такъ красиво. Точно у благородныхъ!

— Давай! согласилась Луиза.

И съ этой минуты Катя стала называться Кетти. Сами того не подозрѣвая, бѣдные рабочіе называли ее ея же собственнымъ именемъ и стали воспитывать ее, какъ родную дочь.

Утромъ Францъ сходилъ въ полицію и къ пастору, заявилъ тамъ о своей находкѣ и приписалъ своего маленькаго найденыша къ своей семьѣ. И маленькая Кетти стала отнынѣ носить фамилію своего новаго пріемнаго отца. — Фидлеръ. И вмѣсто русской дѣвочки Кати теперь должна была расти и преуспѣвать нѣмочка Кетти Фидлеръ. По крайней мѣрѣ, ни Францъ, ни Луиза не знали, что она — русская,

и искренно вѣрили въ то, что она была дочерью нѣмецкихъ родителей.

На другой же день послѣ описаннаго событія Францъ Фидлеръ отправился искать мѣсто. Теперь онъ былъ уже въ новомъ, чистенькомъ пиджакѣ, въ ватномъ, драповомъ пальто и въ шляпѣ котелкомъ, купленнымъ на деньги Евгеніи Ѳедоровны.

— Такъ будетъ лучше... сказали онъ своей женѣ. — Увидѣвъ, что я приличенъ, ко мнѣ и отнесутся, какъ къ порядочному человѣку, и дадутъ хорошее мѣсто... Прощай, жена! Береги нашихъ дѣтей и въ особенности Кетти. Она принесла намъ счастье!

И онъ отправился на пристань, чтобы освѣдомиться въ пароходствахъ, не нуженъ ли тамъ честный, непьющій работникъ? Увидѣвъ, какую онъ имѣлъ приличную внѣшность, одинъ изъ пароходовладѣльцевъ тотчасъ же предложилъ ему мѣсто надсмотрщика за грузчиками товаровъ. Плата — по три съ половиною марки въ день, начинать съ завтрашняго утра. Внѣ себя отъ радости, Францъ побѣждалъ скорѣе домой, чтобы сообщить Луизѣ о своемъ неожиданномъ счастьѣ.

— Вѣдь я теперь богачъ! говорилъ онъ самому себѣ. — По три съ половиною марки въ день! Да вѣдь это — цѣлое состояніе! Теперь у насъ будутъ и мясо, и пиво, и

молоко! Теперь каждое воскресенье, послѣ трудовъ праведныхъ, мы будемъ всей семьей ходить за городъ и гулять по травкѣ... Но что это такое?

Онъ остановился и прислушался. Къ берегу только что пристала большая парусная лодка и нѣсколько рыбаковъ вывели изъ нея какую-то странную женщину. Она отбивалась отъ нихъ и кричала на всю пристань по-русски:

— Куда вы меня завезли? Отпустите меня назадъ! Я не хочу оставаться въ живыхъ, когда моя барыня и Катюша потонули. Зачѣмъ вы меня спасли? Если бы я со своимъ бабьимъ, куринымъ умомъ да знала, что море такое большое и что у васъ, нѣмцевъ паршивыхъ, одинъ корабль налетаетъ на другой, то я изъ нашей матушки-Россіи не уѣхала бы никогда!

Она залилась слезами, ухватилась за голову и заголосила на весь городъ.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ Францъ Фидлеръ, подойдя къ рыбакамъ. — Чего она плачетъ?

— А кто-жъ ее знаетъ? отвѣтилъ одинъ изъ рыбаковъ. — Вотъ такъ всю дорогу кричить на какомъ-то непонятномъ языкѣ и рвется опять въ море!..

— Да гдѣ вы ее взяли?

— Въ морѣ подобрали! Плыдемъ по морю и видимъ что-то барахтается. Подплыли поближе, а это женщина съ бревномъ. Ну, мы ее

подобрали и привезли. Должно быть, потерпѣла кораблекрушеніе.

— Такъ къ консулу ее! посовѣтывалъ Францъ Фидлеръ.

— Мы и то собираемся обойти съ нею всѣхъ иностранныхъ консуловъ. Авось какой-нибудь изъ нихъ и признаетъ въ ней свою соотечественницу!

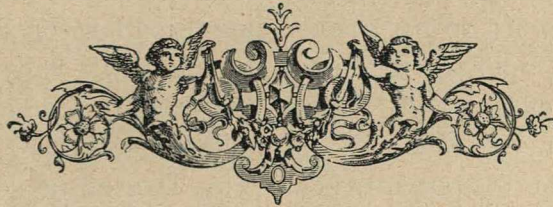
Францъ Фидлеръ отправился дальше своей дорогой. Исторія съ

подобранной на морѣ женщиной какъ-то сразу вышла у него изъ головы и онъ шелъ теперь радостный и веселый и что-то напѣвалъ себѣ подъ усь.

Теперь передъ нимъ открывалась новая жизнь и то, что было имъ до этого пережито, казалось ему почему то, хотя и страшнымъ, но далекимъ сномъ.

М. Б—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДВА ПРИНЦА.

(СКАЗКА).

Гдѣ-то далеко-далеко, въ невѣдомыхъ странахъ, которыя могутъ присниться только безмятежно-спящему ребенку, на высокой горѣ, за крѣпкою, неприступною стѣной, стоялъ когда-то прекрасный таинственный замокъ, въ которомъ жили двѣ молодыя принцессы. Народъ вѣрилъ, что земное счастье находится именно тамъ, въ этомъ замкѣ, и что едва-ли найдется на всей землѣ такой человѣкъ, который могъ-бы туда проникнуть.

Говорили, что вокругъ этого замка на много верстъ во всѣ стороны разросся густой, темный, непроходимый лѣсъ. Никто не отваживался въ него входить, потому что въ немъ были глубокія пропасти, на днѣ которыхъ клубился туманъ, и сразу изъ земли выросли крупныя скалы, заходившія за облака, бѣжали непроходимыя рѣчки и терновые кусты вонзали свои острия шипы въ тѣло всякаго, кто осмѣливался входить въ этотъ лѣсъ.

Каждый могъ въ него войти, но никто еще не возвращался цѣлымъ и невредимымъ, а кто и возвратился, у того уже никогда не было спокойно на душѣ. О принцессахъ говорили всѣ, и старыя, и молодыя, но никто ихъ не видалъ, и старушки рассказывали о нихъ сказки и, слушая ихъ, дѣтямъ хотѣлось пробраться въ этотъ замокъ и хотъ однимъ глазкомъ поглядѣть на таинственныхъ, прекрасныхъ принцессъ.

И вдругъ откуда-то появились два молодыхъ принца, которымъ вздумалось во что-бы то ни стало дойти до замка и пройти именно тою дорогой, гдѣ складывали свои головы смѣльчаки.

— Напрасно вы отправляетесь туда, говорили имъ люди.—Вѣдь тамъ—слава и счастье, а достигнуть ихъ на землѣ невозможно!

— Ничего! отвѣчали имъ принцы.—Мы попытаемся! Авось мы будемъ счастливы!

И они прищипорили коней и поскакали далѣе.

Ѣхали они, ѣхали и доѣхали наконецъ до темнаго лѣса. Изъ него пахнуло въ нихъ сыростью и непривѣтливостью. Старыя деревья хмурились, сплетаясь своими корявыми вѣтвями, терновые кусты уже обнажили свои шипы, чтобы вонзить ихъ имъ въ тѣло, и гдѣ-то вдалекѣ слышались завыванія дикихъ звѣрей, отъ которыхъ становилось жутко.

— „Развѣ вернуться? Не искать славы и счастья?“ подумали оба молодые принца, но тутъ-же и устыдились своей робости. Одинъ изъ нихъ оглядѣлся по сторонамъ.

У самаго лѣса стояла старая, покосившаяся на бокъ лачуга. По-видимому, въ ней кто-то жилъ, потому-что на плетнѣ сушились пестрыя тряпки и висѣли на кольяхъ горшки. Все вокругъ нея было заброшено и жалко, и казалось, что уже много десятковъ лѣтъ объ этой избушкѣ не заботился никто. Старшій изъ принцевъ хотѣлъ-было проѣхать мимо, но младшій вдругъ услышалъ чьето жалобныя стоны и прислушался.

— Подойди ко мнѣ, добрый молодецъ, послышался голосъ.—Помоги мнѣ!

Младшій слѣзъ съ коня и пошелъ на эти стоны.

— Не ходи! Не стой! обратился къ нему старшій.—Намъ мало времени, а вся дорога еще впереди!

Но младшій не послушался его и отправился далѣе. Онъ увидалъ старую престарую старушку, которая сидѣла на камнѣ и не могла подняться. Большая вязанка хворосту валялась около нея и видно было, что она упала подъ ея тяжестью и не могла дотащить ее до избы.

— Помоги мнѣ, повторила она.—Я такъ стара и слаба, что не въ

силахъ подняться. Не проходимимо того, кто просить у тебя помощи!

— Изволь, бабушка! весело отвѣтилъ ей младшій принцъ.— Давай руку! Обопрись объ меня! Вотъ такъ! А теперь идемъ!

Онъ поставилъ старушку на ноги, поднялъ вязанку хвороста, взвалилъ ее къ себѣ на плечи,—и они пошли.

— Будетъ тебѣ тамъ съ нею возиться! крикнулъ ему издалека старшій принцъ. Брось ее! Пусть она идетъ къ себѣ одна. Поѣдемъ! Намъ некогда!

Старушка подняла на младшаго принца умоляющіе глаза.

— Сжался надо мною, добрый молодецъ, сказала она.— Доведи меня до дому! Совсѣмъ не могу идти. Стала стара и слаба...

— Хорошо, бабушка, будь покойна! такъ-же весело отвѣтилъ ей младшій принцъ.— Хоть это мнѣ и не по-пути и хоть надо спѣшить, а все-таки пойдемъ,— доведу. Отъ добраго дѣла никогда не надо бѣгать!..

— Такъ, такъ!.. вздохнула старуха.— Только не всѣ такъ разсуждаютъ, какъ ты.

Онъ взялъ ее подъ руку и провель къ лачугѣ.

— Куда ты держишь путь? спросила она его.

— Да вотъ хочу съ товарищемъ добратся до недоступнаго замка, отвѣчалъ онъ ей.— Говорятъ, въ немъ живутъ двѣ прекрасныя

принцессы и кто только попадетъ къ нимъ туда и женится на одной изъ нихъ, тотъ будетъ счастливъ и слава о немъ пройдетъ по всей землѣ.

— Ахъ, слава, слава!.. задумчиво вздохнула старушка.— Сколько изъ за нея уже погибло людей и сколько погибнетъ еще впереди!..

И она вдругъ схватила молодого человѣка за руку и, нагнувшись къ его уху, зашептала:

— Слушай, добрый молодецъ, что я тебѣ теперь скажу. Ты былъ добръ ко мнѣ и довелъ меня до избы. За это я дамъ тебѣ хорошій совѣтъ. Когда вы доберетесь до того замка, о которомъ ты говоришь, то будь остороженъ. Въ немъ живутъ двѣ сестры, прекрасныя, какъ майское утро, и такія обворожительныя, передъ которыми невозможно устоять. Но одна изъ нихъ добра и правдива, а другая—лунья и зла. Не плѣнись ты второй. Она часто выдаетъ себя за свою младшую сестру и этимъ вводитъ въ заблуждение даже очень храбрыхъ и умныхъ людей. Онѣ такъ похожи одна на другую, что ихъ иногда трудно бываетъ различить. Такъ смотри же, не плѣнись ты второй; остерегись ея и не подпади подъ ея власть.

Молодой человѣкъ задумался.

— А какъ-же мнѣ узнать, которая изъ нихъ моложе? задалъ онъ старухѣ вопросъ.— Вѣдь ты

Модница.

— Не бойся, я подержу!..

говоришь, что онъ похожи одна на другую такъ, что ихъ трудно различить. По крайней мѣрѣ, какъ ихъ зовутъ?

— Младшая изъ нихъ—Слава, отвѣтила старуха, а старшая—Ложная Слава. Младшая не обманетъ никогда, за то старшей ты берегись! Младшая ходитъ въ простенькихъ платьяхъ и скромна, а старшая -- одѣвается въ роскошныя мантии, вся осыпана драгоценными камнями и кто хоть разъ увидитъ ее, тотъ передъ ней уже не устоитъ!.. Прощай, мой сынъ!.. Счастливаго тебѣ пути!..

Она вошла къ себѣ въ избушку, а онъ вскочилъ на коня, подѣхалъ къ своему товарищу и оба они направились къ лѣсу, въ которомъ было такъ темно, точно была уже ночь. Они вѣхали въ лѣсъ, но онъ оказался такимъ густымъ, что въ немъ нельзя было пробираться на конѣ. Тогда они слѣзли съ лошадей, отпустили ихъ на волю и отправились пѣшкомъ.

Но скоро ихъ пути разошлись.

— Я не пойду вмѣстѣ съ тобою! сказалъ старшій принцъ.— Счастье и слава должны принадлежать только мнѣ одному!

— Ну, что-жь, согласился младшій принцъ.— Иди ты своею дорогой, а я пойду своей!

Оставшись одинъ, младшій принцъ почувствовалъ себя сиротой. Ему сразу-же сдѣлалось какъ-то жутко и пришли на умъ всѣ тѣ опасности, о которыхъ гово-

рила молва. Теперь, въ случаѣ опасности, за него некому будетъ заступиться, да и ему самому нельзя будетъ оказать поддержки старшему принцу, если съ тѣмъ приключилась-бы бѣда. И, скрѣпя сердце, онъ отправился далѣе. Сжимая въ рукѣ простую дубинку вмѣсто острой шпаги, которой онъ не любилъ, онъ цѣлые часы пробирался сквозь чащу лѣса, проходилъ черезъ пропасти и съ опасностью для собственной жизни перелѣзалъ черезъ острия, отвѣсныя скалы. Изъ рукъ и колѣнокъ у него давно уже шла кровь, терновые кусты царапали его тѣло своими острыми шипами и рвали его одежду въ клочки.

И вдругъ онъ увидалъ передъ собою красивую полянку, всю заросшую прекрасными бѣлыми лиліями и лавровыми кустами. Здѣсь было тихо, не дулъ вѣтеръ, яркое солнце свѣтило съ неба и не шелохнулся ни одинъ листъ. Трудолюбивыя пчелы влетали и вылетали изъ душистыхъ цвѣтовъ лилій и собирали медъ и веселыя птицы порхали въ вѣтвяхъ деревьевъ и суетились около гнѣздъ. Красивый студеный ключъ стремился вдоль лужка и перепрыгивалъ съ камешка на камешекъ. Все на этой полянкѣ было полно мира и красоты и, при взглядѣ на трудившихся пчелъ и на хлопотавшихъ около своихъ гнѣздъ птицъ, Младшему принцу захотѣлось вдругъ трудиться и самому,

начать пахать землю, выводить прекрасные цвѣты, вставать съ ранней утренней зарей и умываться изъ этого студенаго ключа.

— Бѣлыя лиліи и лавровые кусты... произнесъ онъ, съ восхищеніемъ оглядываясь по сторонамъ. — Лиліи — это признакъ душевной чистоты и лавровыя вѣтви, это признакъ мира. Какъ-бы я хотѣлъ, всегда жить въ мирѣ и не причинять никому зла.

И онъ готовъ уже былъ отправиться далѣе, какъ вдругъ замѣтилъ около одного изъ лавровыхъ кустовъ молодую дѣвушку необыкновенной красоты. Вся она была въ бѣломъ и на головѣ у нея былъ приколотъ вѣнокъ изъ простыхъ полевыхъ цвѣтовъ. Какою-то невыразимой нѣжностью и простотой вѣяло отъ всей ея фигуры и глаза ея свѣтились довѣріемъ и искренностью. Увидѣвъ ее, молодой человѣкъ пришелъ въ восхищеніе и съ благоговѣніемъ опустился передъ ней на одно колѣно.

— Милая дѣвушка, воскликнулъ онъ. — Какъ тебя зовутъ?

— Слава, просто отвѣтила она.

— Выходи за меня замужъ!

Она улыбнулась.

— Это зависитъ не отъ меня, отвѣтила она, — а отъ тебя самого. Я могу принадлежать только тому, кто меня заслужитъ. Я могу быть женою только того, кто будетъ настоящимъ героемъ. Поэтому возвратись обратно, сдѣлайся героемъ

и тогда приходи сюда, и я стану твоей женой.

Младшій принцъ вспомнилъ слова старушки, тотчасъ-же поднялся съ колѣна и направился къ выходу изъ лѣса. Онъ рѣшилъ сдѣлаться героемъ во что-бы то ни стало, чтобы имѣть право присвататься къ этой дѣвушкѣ и назвать ее впоследствии своей женой.

Возвратившись на свою родину, онъ отдался лихорадочной дѣятельности на пользу своихъ ближнихъ. Онъ сталъ учить ихъ разнымъ наукамъ, далъ имъ хорошіе суды, проложилъ дороги, построилъ имъ жилища, научилъ ихъ пахать землю, устроилъ для нихъ больницы и, благодаря ему, во всей его странѣ скоро не осталось ни одного неграмотнаго человѣка и всѣ превосносили его и его имя было у всѣхъ на устахъ. Но ему казалось, что всего этого было еще мало, и онъ трудился для своихъ ближнихъ, не покладая рукъ, и этотъ трудъ теперь вошелъ для него въ привычку и онъ не могъ уже безъ него обойтись. Онъ вставалъ съ восходомъ солнца, ложился спать поздно ночью, ни одной минуты не оставался безъ дѣла, — и все это для другихъ; онъ совершенно забывалъ о самомъ себѣ и находилъ единственное удовольствіе только въ томъ, что воочію видѣлъ результатъ своихъ трудовъ, такъ какъ всѣ кругомъ него стали образованнѣе, здоровѣе

и богаче и сама природа, казалось, обновилась и тамъ, гдѣ прежде были болота и пустыри,—теперь колебалась, точно безбрежное море, колосистая рожь.

— Нѣтъ, нѣтъ, съ грустью вздыхалъ иногда младшій принцъ.— Всего этого еще мало. Та прекрасная дѣвушка еще не согласится быть моей женой! Надо потрудиться еще и еще. Только трудъ можетъ сдѣлать меня героемъ!

И въ то время, когда младшій принцъ такъ работалъ надъ собой и старался трудиться для другихъ, старшій принцъ еще далѣе проникъ въ самую глубь лѣса и вдругъ увидѣлъ предъ собой роскошный замокъ. Онъ сиялъ такъ, точно былъ весь сдѣланъ изъ золота и серебра и точно въ его окна были вставлены вмѣсто стеколъ драгоценные камни, ослѣпительно сверкавшіе на солнцѣ. И, какъ и младшій принцъ, старшій тоже увидалъ прекрасную дѣвушку, но она была уже не въ простенькомъ бѣломъ платьѣ, а въ роскошной багряницѣ, не ней сверкали бриллианты и въ волосахъ у нея были вплетены ленты яркихъ, ослѣпительныхъ цвѣтовъ. Что-то холодное и высокомерное свѣтилось у нея въ глазахъ и презрительная улыбка иногда набѣгала на ея губы. Она показалась старшему принцу прекрасной.

— Милая дѣвушка, воскликнулъ онъ въ восторгѣ.— Какъ тебя зовутъ?

— Слава, солгала она ему, умоляя, что она была только Ложной славой.

— Выходи за меня замужъ!

Она съ высокомеріемъ измѣрила его взглядомъ съ головы до ногъ.

— Ко мнѣ уже сватались такіе знаменитые полководцы, отвѣтила она ему,—какъ Александръ Македонскій, Юлій Цезарь и Наполеонъ,—но всѣмъ имъ я отказала, а ты еще не сдѣлалъ ничего. Если ты прославишься побѣдами и завоеваніями такъ, какъ они, и даже больше ихъ, то я готова быть твоей женой.

Старшій принцъ тотчасъ-же возвратился въ свою страну, собралъ громадную армію и приступилъ къ завоеваніямъ. Кровь полилась рѣкой. Цѣлые мѣсяцы грохотали пушки и слышались ихъ залпы и трескотня ружей, цѣлые села и города были преданы огню и мечу, войска вытоптали посѣвы мирныхъ жителей, забрали у нихъ скотъ и увели съ собой, были разрушены дороги и разломаны мосты и тѣ мѣста, по которымъ проходилъ старшій принцъ, превращались въ пустыни. За то имя его стало знаменитымъ на весь міръ. Во всѣхъ странахъ свѣта оно переходило изъ устъ въ уста и повсюду только и говорили, что объ его побѣдахъ. Передъ нимъ широко растворялись ворота городовъ, для встрѣчи его строились

тріумфальныя арки и, когда онъ въѣзжалъ, то играла музыка, путь побѣдителя усыпанъ цвѣтами и всѣ рукоплескали ему и бросали къ его колесницѣ вѣнки. Онъ проѣзжалъ, упоенный своими побѣдами, и ему было пріятно, что въ такой короткій срокъ онъ покорилъ столько народовъ и уничтожилъ у нихъ все, что было добыто ими цѣною тяжкаго невыносимаго труда въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій. Но и этого ему было мало. Онъ отправился войною и противъ своего прежняго друга — младшаго принца. Онъ побѣдилъ его, ранилъ его самого и взялъ его въ плѣнъ. Привязавъ его, какъ собаку, къ своей колесницѣ, онъ торжественно въѣхалъ съ нимъ въ столицу, а затѣмъ, довольный этой послѣдней своей побѣдой, онъ отправился вмѣстѣ съ нимъ въ лѣсъ къ сверкавшему замку, чтобы показать его Ложной славѣ, какъ послѣдній трофей, и попросить у нея ея руки.

— Это былъ мой послѣдній врагъ, обратился онъ къ ней, — и я сломилъ и его. Теперь мое имя гремитъ по всей землѣ. Теперь я — герой. Я побѣдилъ тысячи тысячъ и ихъ цвѣтуція страны превратилъ въ ничто. Будь моей женой.

Онъ протянулъ къ ней руки и вдругъ, къ удивленію своему, увидаль, что все исчезло вокругъ него: и прекрасная дѣвушка, сверкавшая своимъ нарядомъ, и бле-

стящій замокъ, и окружавшая его свита, когда-то бросавшая подъ его ноги цвѣты и превозносившая его до небесъ.

— Несчастный! вдругъ услышалъ онъ около себя чей-то старческий голосъ. — Кого ты сдѣлалъ счастливымъ?

Онъ обернулся и увидаль передъ собою ту старушку, которой помогъ когда-то младшій принцъ.

— Кого ты сдѣлалъ счастливымъ? повторила старушка. — Ты увлекся Ложной славой и все время думалъ только о себѣ самомъ. Посмотри-же кругомъ себя: чего ты добился и что получилъ? Твои руки обогрены кровью, ты уничтожалъ села и города, ты побѣдилъ и поработилъ цѣлые народы, но сдѣлалъ-ли ты счастливымъ хоть одинъ изъ нихъ, какъ этотъ, побѣжденный тобою младшій принцъ?

Онъ оглядѣлся кругомъ. Все вокругъ него было пустынно и дико и никто уже не произносилъ его имени и не бросалъ подъ его ноги цвѣтовъ. На мѣстѣ замка стояла низенькая развалившаяся лачуга старушки, а вмѣсто прекрасной принцессы — была она сама. На ней были жалкіе, пестрые лохмотья и это было все, что осталось отъ того, что когда-то такъ властно манило его къ себѣ.

А въ это время сбоку лежалъ раненый младшій принцъ. Выраженіе лица его было спокойно,

онъ улыбался и смѣло и съ благоговѣніемъ глядѣлъ на небесную высоту. Надъ нимъ склонилась прекрасная дѣвушка въ бѣлой одеждѣ и съ вѣнкомъ на головѣ и старалась облегчить его страданія.

— Не бойся, говорила она. — Я около тебя. Я останусь съ тобой навсегда и сдѣлаю тебя счастливымъ. Твое имя не будетъ забыто, и всякій, кто взглянетъ на твою цвѣтущую страну и увидитъ все, что ты сдѣлалъ для другихъ, помянетъ тебя добрымъ словомъ и будетъ поступать такъ-же, какъ

и ты. Давай-же руку и пойдемъ вмѣстѣ! Теперь насъ не разлучить больше никто!

Онъ поднялся съ земли, взялъ ее за руку и, скромные, тихіе, такіе-же, какъ и всѣ, они отправились въ его страну. Никто не встрѣчалъ ихъ шумно по дорогѣ, никто не строилъ для нихъ триумфальныя арки и не бросалъ подъ ихъ ноги цвѣты. Но всѣ глядѣли на нихъ съ глубокимъ уваженіемъ и почтительно разступались на ихъ пути.

Лео.

Санки съ лошадкой. Модель приложенія къ этому номеру

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Шуточные вопросы. 1) Почему по утрамъ покупаютъ булки къ чаю?

2) Когда идетъ дождь и застаеъ дѣвочекъ въ лѣсу, то подъ какимъ деревомъ онѣ обыкновенно прячутся?

3) Почему злой мужикъ бьетъ лошадь, когда она не можетъ черезъ силу везти?

II.

Названія какихъ городовъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Онъ хотѣлъ отпереть замокъ, но сунулъ ключъ мимо свѣжины.

2) Вышла изъ береговъ рѣка; луга стоятъ въ водѣ и кругомъ точно море.

3) Велико зло въ людяхъ, а доброты въ нихъ еще больше.

4) На лицѣ ребенка была написана сама радость: такъ онъ обрадовался игрушкамъ.

5) Плохою сохой пахарь ковырялъ землю, вмѣсто того, чтобы распахивать ее плугомъ.

III.

Задуманы три слова, означающія:

1) То, что бываетъ зимою.

2) То, чѣмъ долбятъ дыры.

3) То, что мы любимъ видѣть въ садахъ и на лугахъ.

Взять отъ перваго изъ этихъ словъ первый слогъ, отъ второго—второй и отъ третьяго—последній и составить изъ этихъ слоговъ новое слово, которое означаетъ плотничій инструментъ.

Какой это инструментъ?

IV.

Слово состоитъ изъ 13 буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. Буквы 6. 10. 9. 7. 8. 13. означаютъ драгоценный камень, 9. 10. 6. 2. 3.—кавказскій верхній плацъ, 2. 3. 11. 4. 7. 8. 3—произведение искусства, 12. 7. 4. 3. 11. 3—му-

зыкальный инструментъ, 9. 3. 8. 3. 8. 13—душистый плодъ, 9. 1. 6. 5. 12. 13—край рѣки, озера и моря, 12. 6, 3. 8. 7. 4. 13—то, изъ чего дѣлаютъ памятники и колонны, 2. 3. 11. 5. 4. 3.—экипажъ, 4. 11. 10. 9. 3—принадлежность печки, 2. 3. 8. 3. 4. 13—толстую веревку. Найти эти слова и задуманное слово, которое означаетъ названіе большого русскаго города.

Рѣшеніе ребуса № 23, помѣщеннаго въ № 24 „Золотого Дѣтства“.

Око+лоо+пушки лѣ+сабли+зѣ+мо+стадо+рогъ+у+разъ+мыло+дождь+я+ми = Около опушки лѣса, близъ моста, дорогу размыло дождями.

Впрямь рѣшенія до выхода въ свѣтъ № 2 „Золотого Дѣтства“ прислали:

Каврадь Чарноцкій, „Галченкокъ“ [и „Золотая рыбка“, Шура, Петя и Кока Глубоковскіе въ СПБ., Стелла Шастоковская, Коля и Сережа Павловы изъ Харькова. Коля, Ваня, Катя Бѣльченко изъ Перемышля, Валя Тарасовъ, Пигъ и Покъ изъ Севастополя. Ривочка, Яша и Сося Македонскіе изъ Елисаветграда. Н. Орловскій со ст. Сѣверская, Гора со ст. Попасная. Сережа Лебедевъ изъ Зубцова, Лена Старовѣркинъ, Витя Агѣевъ, Евгений Романовскій, Оля и Валя Широковы, Витя Суппесъ—всѣ изъ Валуекъ. Таня Полякова. Гриша Кричевскій изъ Ромень, Нина Болтушка, Музя Смирнова изъ Калуги. Митя и Тоня Киселёвы изъ Серпухова, Любомиръ Титоровъ изъ Волграда. Леля Пичугинъ изъ Казани, Вася Лукьяновъ изъ Евпаторіи, Олегъ Булатовичъ изъ Кишинёва, Боря и Юра Кунделековы въ СПБ. Олечка Захарёва въ СПБ., Дима Мижусевъ въ СПБ.

Ребусъ № 2.

(Фамиліи подписчиковъ въ; но рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ—по 45 коп. за экземпляръ).

Высылается наложеннымъ платежомъ.

**МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ
ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.**

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

Годъ 6-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1913 годъ

на художественно-литературный журналъ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

← Подписной годъ съ 1-го Ноября. →

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарady и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).
12 ВЪРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга сказокъ для дѣтей со множествомъ рисунковъ подъ заглавіемъ:

— «АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ». —

Въ нее войдетъ большая веселая повѣсть-сказка:

„Алиса въ волшебной странѣ“.

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ «царствѣ смѣлки».

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ Россіи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.